

Щенников Г. К. Белые ночи // Достоевский : Сочинения, письма, документы : Словарь-справочник. СПб., 2008. URL: www.fedordostoevsky.ru (дата обращения: 06.02.2017).

© Хроликова В.А., 2017

Черепанова С. Н. (Екатеринбург, УрГПУ)

«Камышев-Зиновьев» – «лишний человек», «герой своего времени» ?.. («Драма на охоте» А. П. Чехова)

Аннотация. Опираясь на накопленный литературоведческий опыт изучения преемственности А. П. Чеховым предшествующих традиций русской литературы, автор работы рассматривает проблему пародийного переосмысления писателем классических типов героев. Писатель переосмысляет литературную традицию, чтобы выразить свою оценку нравственного фундамента общества рубежа веков.

Ключевые слова: русская литература, А. П. Чехов, «Драма на охоте», традиция, «лишний человек», «герой своего времени».

Cherepanova S. N. (Yekaterinburg, USPU)

"Kamishhev-Zinov'ev" – the "superfluous man", "hero of his time"? ("Drama on the hunt" by A. P. Chekhov)

Abstract: Based on accumulated experience of literary study of the continuity of A. P. Chekhov earlier traditions of Russian literature, the author considers the problem of rethinking the parody writer of the classic types of heroes. The writer reinterprets the literary tradition in order to express his assessment of the moral foundation of the society at the turn of the century.

Keywords: Russian literature, A.P. Chekhov, «A Hunting Drama», tradition, the superfluous man, the hero of his time.

В отечественном литературоведении давно сложилась традиция выделения типов героев русской литературы. Так, устойчивыми понятиями стали такие определения, как тип «маленького человека», «лишний человек», «герой своего времени», «тургеневская

девушка» и т.д. В рамках данной статьи нас будет интересовать тип «лишнего человека» и «герой своего времени».

В «Краткой литературной энциклопедии» (1978) Ю. Манн определяет следующие главные черты «лишнего человека»: «отчуждение от официальной жизни России, от родной ему социальной среды (обычно дворянской), по отношению к которой герой осознает свое интеллектуальное и нравственное превосходство, и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом, и, как правило, общая пассивность» [Манн 1978: 400]. К типу «лишнего человека» исследователь относит таких героев русской литературы, как Онегин («Евгений Онегин» А.С. Пушкина), Печорин («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова), Бельтов («Кто виноват?» А.И. Герцена), Агарин («Саша» Н.А. Некрасова), а также героев произведений И.С. Тургенева: Чулкатурин («Дневник лишнего человека»), Рудин («Рудин»), Лаврецкий («Дворянское гнездо») и др.

Наряду с вышеизложенным существует и другая точка зрения, согласно которой «лишний герой» появляется только в 40-е годы XIX века с расцветом натуральной школы. Так, В. И. Кулешов говорит о распаде и деградации героев типа Чацкого, Онегина, Печорина в 40-е годы XIX века. Исследователь отмечает существенное отличие Бельтова от героев предшествующей литературы: «Суть романа («Кто виноват?» Герцена) в показе новых общественных порывов героя, в попытках практического дела. В Печорине, этой каменистой почве, на которой ничего не растет, была только жажда дела. Теперь этого уже недостаточно. Как герой середины 40-х годов, Бельтов пытается не презирать людей, а иметь с ними дело. В этом новизна образа, дальнейшее развитие типа “лишнего человека”» [Кулешов 1982:]. «После Бельтова мы наблюдаем быстрое распадение образа “лишнего человека”», - считает исследователь [Кулешов 1982:] Деградация и распад данного типа отражены в «Гамлете Щигровского уезда» и «Дневнике лишнего человека» И. С. Тургенева. Тогда возникает вопрос, можем ли мы говорить об изменении, или динамике типа «лишнего человека». Г. К. Щенников говорит о Ставрогине (роман «Бесы» Ф.М. Достоевского) как о «лишнем человеке», отягощенном ком-

плексом «кающегося дворянина», который как и «лишний человек» проходит испытание любовью.

При создании образа главного героя «Драмы на охоте» А.П. Чехов опирается на несколько уже сложившихся в традиции русской литературы типов героев. Так, некоторые исследователи склонны видеть в Камышева-Зиновьеве тип «лишнего человека», опираясь на образ Евгения Онегина.

В «Драме на охоте», действительно, присутствует план «Евгения Онегина». Пушкинский герой упоминается в разговоре Калинина, графа и Зиновьева: «И жалуется они мне на скуку... – перебил графа Калинин. – Скучно, грустно... то да се... Одним словом, разочарован... Онегин некоторым образом...» (310). Речь идет о состоянии, которое А. С. Пушкин назвал русской хандрой. Мотив скуки у Пушкина играет значительную роль, т. к. с этого мотива и начинается сюжет Евгения Онегина. Именно от скуки едет Онегин в деревню, от скуки знакомится с семейством Лариных. У чеховских героев хандра другая. Если Онегин устал от светского общества, то графу Карнееву, наоборот, не хватает «увеселяющего элемента». Калинин предлагает Карнееву заняться службой, хозяйством. Если Онегин от скуки «Ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил» [Пушкин 1960: 37], то чеховский герой иначе понимает избавление от скуки, ему нужны «сильные эмоции».

А. Гранатова, сравнивая Камышева с лермонтовским Печориным, утверждает, что главным стремлением автора является изображение в образе Камышева «героя времени». Однако исследователь отмечает, что «А.П. Чехов создает этого персонажа как героя, типичного для общества», более того, автор статьи склонна видеть в Камышеве-Зиновьеве «вневременной социальный тип» [Гранатова: электронный ресурс]. Сравнение Камышева с Печориным лишено основания. А.П. Чехов с большим уважением относился к творчеству М.Ю. Лермонтова. Вспомним слова Чехова, записанные С.Н. Щукиным: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова... Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, – по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать».

В своем произведении А.П. Чехов использует лермонтовский план сюжета Печорина и княжны Мери. И лермонтовский, и чехов-

ский герои влюбляют в себя девушку, играя чужими чувствами, стремясь к ощущению власти над человеком: «... первое мое удовольствие – подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?» [Лермонтов 1948: 114]. Зиновьев, как и Печорин, знает о чувствах девушки, но, тем не менее, внезапно прекращает свои посещения. Почему? И Печорин, и Зиновьев не хотят отказаться от своей свободы. Сам Зиновьев признается, что, если бы Калинин преждевременно не заговорил о женитьбе, может было бы все иначе. Схожесть героям придает отношение к женитьбе. Для обоих женитьба – это ограничение свободы. Вспомним, как Печорин рассуждает о Мери: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и бросить на дороге: авось, кто-нибудь поднимет» [Лермонтов 1948: 123]. Печорин признает, что именно он является губителем «молодой, едва распустившейся души». Сравним с печоринскими рассуждения Камышева, смотрящего на фотографию Ольги: «Она дала буре поцелуй, и буря сломала цветок у самого корня. Много взято, но зато слишком много заплачено» [Чехов 1884: 266]. В отличие от Печорина, Камышев снимает с себя всю ответственность за судьбу девушки. Вместо этого он говорит о некой «буре», о некой стихии, которой суждено погубить «цветок».

Несмотря на то, что автор сближает Печорина и Зиновьева, между ними есть отличие. Оно заключается в том, что Печорин бережет свою свободу, а Зиновьев жертвует чувствами влюбленной девушки из-за гордыни. Внешне поступки романтического героя XIX века и героя А. П. Чехова похожи, но мотивы в их основе совершенно разные. Таким образом, А. П. Чехов иронически снижает внутренние качества романтического героя, не вписывающегося в новую эпоху.

К.С. Оверина, обращаясь к «Драме на охоте» как к уголовному роману, определяет тип главного героя как преступника: «В России герой-преступник не был благородным разбойником, похожим на Робин Гуда, он боролся с установленными порядками не для облегчения жизни других, но для достижения личной выгоды. Часто

такие герои совершали преступления не только по отношению к власти, но по отношению к невинным людям» [Оверина 2015: 3]. Исследователь отмечает, что, в отличие от западных образов, в русской литературе внимание уделяется не фигуре сыщика, а исповеди преступника. В русской традиции, утверждает исследователь, «торжествует закон, но раскаяние и покаяние преступника, безусловно рассматривалось как позитивный момент, как возвращение хаоса к порядку» [Оверина 2015: 4]. Тем не менее, К.С. Оверина уверена, что в «Драме на охоте» «вообще отсутствует ситуация исповеди, необходимая для традиционного криминального романа» [Оверина 2015: 5]. Такой вывод литературоведа дает нам основание говорить о том, что жанр «Драмы на охоте» не является детективом.

Говоря о мотиве преступления и наказания в «Драме на охоте», мы не можем не вспомнить произведения Ф.М. Достоевского, в которых героями становятся преступники. Но преступление в произведениях Достоевского позволяет изучать нравственную сторону человека. Писателя интересует преступление не как таковое, а преступление, основанное на реализации некой идеи, проверке своих убеждений. Но за преступлением следует нравственное наказание. Достоевский в своих произведениях показывает путь героя от преступления к очищению себя через страдания. Почему же тогда А.П. Чехов пародийно переосмысляет этот мотив? Интересной представляется точка зрения Р. Г. Назирова, который считает, что «Чехов усматривал в криминальной литературе и в известной мере у самого Достоевского романтизацию преступления, и она ему сильно не нравилась» [Назирова: электронный ресурс]. Поэтому Чехов переосмысливает литературные традиции XIX века в пародийном ключе. В «Драме на охоте» на будущее убийство указывает все: от реплики попугая Ивана Демьяныча «Муж убил свою жену» до ярко-красного платья Ольги и грозы во время встречи главных героев.

Раскрытие убийства несколько не пугает Камышева-Зиновьева, напротив, он даже не пытается это скрыть: «— Если не шутите, то поздравляю вас с открытием, — засмеялся Камышев, всё еще не глядя на меня. — Впрочем, судя по дрожи вашего голоса и по вашей бледности, трудно допустить, что вы шутите. Экий вы нервный!»

(410). В этой фразе нет ни сожаления, ни раскаяния. Зиновьев относится к раскрытию преступления как к игре, некоей головоломке, которую и предлагает решить издателю. На наш взгляд, А. П. Чехов здесь обнажает нравственную пустоту современного ему общества. Вспомним, что говорит Зиновьев об убийстве Оли: «Убил я под влиянием аффекта. Теперь ведь и курят и чай пьют под влиянием аффекта. Вы вот в волнении мой стакан захватили вместо своего и курите чаще обыкновенного... Жизнь есть сплошной аффект... так мне кажется... Когда я шел в лес, я далек был от мысли об убийстве; я шел туда с одной только целью: найти Ольгу и продолжать жалить ее...» (414). Для героя преступление ставится в один ряд с повседневными, обычными вещами, как курение или распитие чая.

Е.В. Жданова в «Драме на охоте» с помощью психолингвистического анализа выявляет «ряд характерных признаков поведения людей, различного социального статуса, возраста, гендерной принадлежности эпохи конца XIX века» [Жданова 2010: 22]. Исследователь относит Камышева-Зиновьева к психолингвистическому типу «свободолюбца», для которого характерны «раздражительность, чрезмерная гордость, которая заставляла его вести себя против воли души и сердца, нежелание связывать себя какими-то обстоятельствами, ответственностью, что подчеркивается эпизодом, в котором он рассказывает, как он услышал, что его назвали женихом без его ведома» [Жданова 2010: 22]. Действительно, Камышев-Зиновьев свободолюбив. И его любовь к свободе выражается в отношении к девушкам. Сергей Петрович не хочет обременять себя законными отношениями, поэтому безответной осталась любовь Наденьки Калитиной, поэтому Оленька Скворцова, несмотря на кажущуюся любовь к следователю, выходит замуж за Урбенина.

Совершенное безнаказанное убийство – вершина проявления абсолютной свободы, абсолютной власти над людьми. Возможно, Камышев-Зиновьев приносит в редакцию рукопись, чтобы в очередной раз убедиться, что он волен в своих поступках. Если Раскольников Достоевского, решая вопрос, кто он – «тварь дрожащая» или «право имеющий», страдает, мучается, то Камышев-Зиновьев решил этот вопрос однозначно – «право имеющий».

Камышев-Зиновьев не обладает сильными характеристиками «лишних людей». В нем нет глубокого содержания, которое свойственно Печорину, Онегину или Раскольникову. Но у него остается незаурядный ум. Раньше эгоизм «лишнего человека» не мешал жить другим людям, сейчас этот эгоизм убивает людей. Сила «лишнего человека» была животворящей, сила Камышева-Зиновьева разрушающая. Конечно, по сравнению с предшествующими героями XIX века Камышев выглядит фигурой мелкой, незначительной. В этом образе мы наблюдаем вырождение «лишнего человека», его обмельчание. Такой герой заботится только о себе, его эгоизм, в отличие от эгоизма Печорина, разрушающий.

Вспомним, для чего пишет Камышев-Зиновьев свою повесть. Он не жаждет покаяния, он даже не раскаивается в своем поступке. Единственное, что волнует героя, это то, что на него «смотрят как на обыкновенного человека». Конечно, герой горд собой, что его не разоблачили за столько лет, но ему недостаточно это просто знать. И пишет он только потому, что ему хочется, чтобы все видели, как виртуозно он обошел следствие, какой он необыкновенный человек. Его гордыню задевает то, что окружающие и помыслить не могли взглянуть на него как на преступника. При этом вины за совершенное преступление Камышев не чувствует. Зиновьеву хочется походить на необыкновенных литературных героев, быть сильной личностью, «человеком с тайной». Но у него есть существенное отличие от предшествующих героев. Если раньше герои не могли реализовать свои силы, то сейчас силы Камышева направлены на реализацию своей личности, и, к сожалению, не лучших ее черт. Гордыня – вот что определяет чеховского героя.

Таким образом, автор переосмысляет тип «лишнего человека» на современном этапе, тем самым отражая свой взгляд на нравственный фундамент общества конца века. Является ли Камышев-Зиновьев героем своего времени? «Герой своего времени» стремится отобразить в себе целое общество своей эпохи, ее типичные черты. С этой точки зрения, мы можем утверждать, что Камышев-Зиновьев является героем своего времени, в котором отражаются пороки эпохи. А. П. Чехов показывает героев, для которых моральные ценности уже не являются ориентиром. Камышев – судебный следователь, т.е. человек, который вершит правосудие, ищет ви-

новых и восстанавливает справедливость. Тем не менее, этот герой совершает преступление, о котором умалчивает, и наказывает за свое преступление совершенно невиновного человека. Ольга Урбенина ради богатства готова принести в жертву истинное чувство. Для второстепенных персонажей моральные ценности оказываются также не важны. Граф Карнеев, будучи женатым, приводит в дом девушку, Каэтан Казимирович готов на все ради денег (вспомним эпизод с сожжением денег), управляющий Урбенин женится на девушке, которая его не любит, а лишь с его помощью хочет выбраться из нищеты. Автор показывает нам общество, для которого нравственные, истинные отношения потеряли всякий смысл.

Литература

Барышников Е. П. Литературный герой // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М. : Сов. энцикл., 1962-1978. Т. 4: Лакшин – Мураново. 1967. С. 315-318.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 404 с.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л. : Наука, 1989. Т. 5. 405 с.

Козубовская Г.П. Середина века: миф и мифопоэтика. Барнаул : АлтГПА, 2008. 273 с.

Лаврецкий А. "Лишние люди" // Литературная энциклопедия: в 11 т. М. : 1929-1939. М. : ОГИЗ РСФСР ; Сов. энцикл., 1932. Т. 6. Стб. 514-540.

Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М. : Детгиз, 1948. 170 с.

Манн Ю. В. «Лишний человек» // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М. : Сов. энцикл., 1962-1978. Т. 4: Лакшин – Мураново. 1967. С. 400-402.

Назирова Р. Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия. URL: <http://www.nevmenandr.net/scientia/nazirov-preemstven.php> (дата обращения: 13.03.2017)

Федосеев Н.Г. К вопросу о типологическом характере «лишнего человека»: скитальцы Ф.М. Достоевского // Известия Россий-

ского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. № 87, 2009. С.108-115.

Чехов А. П. Драма на охоте: (Истинное происшествие) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М. : Наука, 1975. Т. 3. С. 241-416.

© Черепанова С.Н., 2017

Сведения об авторах

Аюпова Екатерина Владимировна - магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Гутрина Лилия Дмитриевна.

Безубцева Юлия Владимировна - магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Ермоленко Светлана Ивановна.

Бурцева Татьяна Алексеевна - магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Меркотун Елена Алексеевна.

Главатских Татьяна Владиславовна - бакалавр Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Хрящева Нина Петровна.

Дубицкая Анастасия Алексеевна - бакалавр Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Гутрина Лилия Дмитриевна.